

Всяк человек ложь.
Пс., 115:2

Павел Синичкин.

Наши дни

Римка пропала.

За моей помощницей подобное не водилось.

Опаздывать на службу — сколько угодно. Я и сам не образец трудовой дисциплины.

Бездельничать в рабочее время? Тоже случалось неоднократно.

Да и прочие грешки у девушки имелись: занимать служебный компьютер, а также казенный Интернет сетевыми играми. Поправлять маникюрчик и подводить глазки-губки-скулы — на это я вообще внимания не обращал.

Но вот чтобы просто исчезнуть! Без оправданий! Без объяснения причин!

Не прийти на работу, и все! Нет, такого никогда в нашей совместной практике не случилось. Я, как хозяин и владелец контрольного пакета, назначил для нашего детективного агентства начало трудового дня в десять часов утра. Случались в моей практике ее опоздания на час-полтора. Но вот минуло два, потом три, потом четыре часа. Сотрудники в проектной институте (где мы с Римкой — иными словами, детективное агентство «Павел» — снимаем две комнаты) потянулись на обед, слышались их возбужденные шаги в коридоре. Тогда я не выдержал, смирил гордыню —

ах, не пристало начальнику разыскивать собственную подчиненную! — и позвонил Римке.

Ее основной мобильник находился вне зоны приема.

Я набрал другой, секретный номер, на нее не зарегистрированный и предназначавшийся для экстренной связи и оперативных нужд. Его знали совсем немногие, я (разумеется) в том числе. Но там меня ждала столь же «теплая» встреча: абонент не отвечает или находится вне зоны приема.

Позвонил девушке домой: да-да, Римка в отличие от многих современных людей не отказалась от городского телефона в квартире. Но и здесь меня встретили длинные гудки.

Я заглянул в мессенджер. В последний раз моя верная секретарша появлялась там вчера вечером: в 20 часов и 44 минуты. Давненько.

Тогда я подумал: а пропади все пропадом и гори ясным огнем! Включил на обоих телефонах агентства «Павел» автоответчики и бросился по коридорам проектного института к своей машине.

Отчего-то стало меня томить неизъяснимо плохое предчувствие. И наплевать, что я могу выглядеть — прежде всего в глазах Римки — дураком и идиотом. Действительно, хорош я буду, если она загуляла с молодым накачанным любовником, какой-то вроде у нее завелся инструктор из спортклуба — и вдруг, здрасте, возникну на пороге, как Каменный гость. Получится крайне постыдно: бывший возлюбленный (в моем лице) и одновременно начальник проявляет приступ дикой ревности и выслеживает свою былую любовницу (и нынешнюю секретаршу). Но, опять-

таки, меня извиняло нехорошее, тоскливое предощущение, мысль: с девушкой что-то могло случиться. А долгие годы жизни и оперативной работы приучили меня к тому, что следует доверять своему внутреннему голосу. Особенно, если он нашептывает нечто дурное.

На любимом своем баварском автомобиле я с пробуксовочкой выскочил со двора института (где путем интриг и подкупа за мной закрепили парковочное местечко) и влился в поток машин. Я не выбирал стиль езды, но подсознание диктовало мне нестись во весь опор. Я обходил попутных, а там, где не было камер, разгонялся до упора и пару раз проскакивал на желтый.

Дорога была мне хорошо известна. Не раз, ох, не раз подвозил я Римку из офиса к ней домой! Бывало, и она меня в свою квартирку доставляла на собственном «гольфике» — обычно выпившего. В подобные счастливые вечера мы продолжали употреблять спиртные напитки у нее в однушке, а потом наконец возлегли.

Если кому-то вдруг придет в голову нарисовать график наших с госпожой Парсуновой взаимоотношений, получится безумная смесь линий, в иные моменты полная жарких сплетений, иногда — отдаляющаяся друг от друга на безразмерную величину, а порой вдруг — снова случайно наталкивающаяся и пересекающаяся. И опять расходящаяся.

Она пришла совсем девчонкой. Как уверяла потом, сразу в меня влюбилась — впрочем, грош цена женским признаниям, когда их шепчут в постели жарким шепотом. Но до той поры, когда начались те объятия и признания, я очень долго держал Римку на известном

расстоянии. Она была хороша и умна, и я стал с ходу симпатизировать ей. Но, во-первых, и сам был несвободен, у меня то и дело случались романы, а, во-вторых, считал, что негоже заводить амуры на рабочем месте.

Потом нас все-таки притянуло друг к другу. Мы прожили вместе, как супруги, примерно год, ездили вдвоем отдыхать, подумывали разменять свои квартиры, взять льготную ипотеку и съехаться — но, слава богу, не собрались. За тот год скандалили, ругались и ревновали друг друга чрезвычайно.

А потом Римка ушла. Примерно как сейчас: взяла и исчезла. Штампами в паспортах мы себя не обременяли, поэтому подобный фортель она провернула без участия бюрократии. Я навсегда в своей душе распрощался с ней.

А потом (прошло еще года полтора) она вдруг вернулась и проговорила нечто вроде: «Паша, жить и спать с тобой больше не хочу и никогда не буду. Но без работы — нашей общей детективной — мне скучно. Трудиться во всяких дурацких офисах, а не у тебя, тоска зеленая. Давай договоримся больше никогда не вступать в интимные отношения и останемся просто хорошими друзьями. Но при том я готова вернуться к тебе на прежнюю должность: помощницей и заместительницей. И строго без интима! У тебя будет продолжаться своя личная жизнь, у меня — своя!»

Я к тому времени нахлебался с косорукими и бестолковыми секретутками, которые ни кофе сварить, ни документ составить, ни тем более проследить за объектом не могли, поэтому радостно взял Римку назад. С тех пор мы не нарушили свои обещания, данные

друг другу, по части служебных обязанностей: она трудилась толково и умело. Притом я (сверх своих изначальных обязательств и обещаний) подарил ей долю в собственном агентстве, а именно одну треть.

Но вот по поводу постельных дел я снова дал слабину. (Или — она, рассматривайте, как хотите.) Короче, оба не устояли. Иногда случались моменты, когда мы снова оказывались вместе в койке. И мне это обычно нравилось. Но когда я вдруг заявлялся к ней домой или звонил (признаюсь, зачастую в состоянии алкогольного опьянения) и требовал «продолжения банкета», то есть предлагал снова сойтись и жить вместе, она категорически отказывалась, произнося примерно один и тот же текст: «Пашенька, не надо усугублять ошибки. Да, я опять проявила с тобой слабость, но больше подобного не повторится. Я давно поняла, что нам не суждено быть вместе, не мешай мне устраивать свою личную жизнь, ладно?»

Не скрою, мысль о том, что она крутит романы на стороне, бывала жгуче обидна. И сейчас, когда я несся к ней, временами все-таки всплывало: а может, не обычным беспокойством о судьбе товарища по работе объясняется то, что я бросился к Римке? Это на самом деле приступ любви? Той самой огненной ревности?

Попутно думал, что о своей коллеге и бывлой любовнице я, если разобраться, практически ничего не знаю. Римка у меня крайне скрытной была во всем, что касалось собственной биографии. Ее прошлого — да и, честно говоря, настоящего.

Римма.

19 часами ранее

Любовь — прекрасное чувство.

Но когда ее нет, можно найти десятки заменителей. В сумме они дадут нужный эффект. А может, даже превзойдут пресловутую влюбленность и то дурацкое обожание, которое ты вдруг начинаешь испытывать по отношению к одному-единственному субъекту.

Возьмем флирт, например. Да шире: любовную игру любого рода. Дурачить парней. Кружить им головы. Сводить с ума. И наконец, заниматься с ними этой самой любовью.

Римме вдруг вспомнился анекдот, который некогда папенька рассказывал, — она тогда была девочкой-подростком со свойственной пубертатному периоду болезненным вниманием к запретному, постыдному, непристойному. Потому и историю запомнила — а рассказывать их папаша умел и любил.

Хотя анекдот, конечно, типично мужской. Нынче феминистки сказали бы: шовинистский по отношению к женщине. Но папаня, помнится, вещал вдохновенно, с жаром. Обычно за накрытым столом, с собутыльниками, с расставленными на чистой, но старой клеенке консервированными помидорками и баклажанчиками, сальцем, пирожками и самогонкой.

«Итак, сколько у женщины должно быть мужчин? — возглашал он. Мама молчала, она эту сказку слышала не раз и не два, но понимала — когда мужик несет что-то, да с пылом, останавливать его и перечить не след. Отец обводил глазами гостей, а потом провозглашал: — Пятеро! — И повторял для лучшей усвояемости: — У всякой женщины должно быть пять мужчин! Первый — это друг! Ему она *все рассказывает и ничего не показывает*. Второй — это любовник. Ему *все показывают*, но ничего не рассказывают. Третий — это муж. Ему *кое-что показывают*, кое-что *рассказывают*. — Гости начинали тихонько угорать, предвкушая. — Четвертый — это врач. Гинеколог! Ему *все рассказывают и все показывают*. И наконец, пятый — это начальник. Ему *показывают и рассказывают по требованию*».

Сам папаша начальником был мелким, никакой секретарши ему сроду не полагалось, и в истории, конечно, звучала зависть по отношению к руководителям более крупным, у которых (как полагал отец) налажено сексуальное обслуживание на рабочих местах. Но романы на стороне у батяни происходили и безо всякой личной секретутки — до тех пор, пока мамаша однажды не вышвырнула его, вместе с вещами, из дома. А он немедленно поселился у одной из своих прихихе и начал вдумчиво пить. Но то была совсем другая история.

«А мне-то, как и другим нормальным женщинам, — подумала Римма, — никаких пятерых не нужно! Я-то по жизни хотела совсем иначе, чем в пошлом шовинистском анекдоте! Мечтала, чтобы Пашка стал моим единственным во всех возможных лицах: и начальником,

и другом, и мужем, и любовником! Я готова была и рассказывать ему, и показывать, и готовить, и даже рубашки гладить! А он!.. Воистину: черного кобеля не отмоешь добела! Совсем не собирался оставить похождения и сосредоточиться только на мне. Нет, он-то, как некогда папаша мой, хотел иного: бегать за юбками, а по вечерам (или утрам) — после того, как насладится или *не* насладится на стороне, обломится ему или нет — возвращаться ко мне. А я должна была его верно ждать и утешать, если понадобится, и кормить, когда проголодается. Кто на подобное согласится?! Даже мама моя, гораздо более патриархальная, такого не потерпела. Скотина он, Павел Синичкин, воистину скотина! Пусть обаятельная и чрезвычайно привлекательная — однако все равно свинья».

Однако мысль о том, что сегодня она увидится с Неизвестным, а завтра с Паном, будоражила кровь.

Очень приятно, когда мужчины водят вокруг тебя хороводы. Это доказательство, что она — блеск, хороша и молода. И то, что ее добиваются сразу несколько особей противоположного пола, приятно волновало. Будет из кого выбрать — когда она решит остепениться, выйти замуж и маленьких Парсуновых завести.

Первый, новенький, — для него нынче просто смотрины. Проводить до дому она ему позволит, если будет нормально себя вести. Возможно, разрешит поцеловать у подъезда — страстность и долготя лобзания будут зависеть от объекта.

Поцелуй важную информацию о мужчине несет. И на сознательном уровне, и на подсознательном. Психологи говорят о запахах, взаимопроникновении иммунных систем и всякое такое. А проще сказать:

если понравилось лобзаться, то можно мутить с парнем дальше. А коли нет — лучше расставаться немедленно, каким бы мужик ни выглядел годным да перспективным. Если будешь с тем, кто не люб, терпеть, длить взаимоотношения, надеясь, что склеится, — все равно ничего хорошего не выйдет, один гимор.

«Меня, помнится, первый поцелуй с Пашкой чуть с ног не сшиб. И тогда, хоть были оба пьяны, и целовал он меня как бы в шутку, я поняла: он должен быть моим и когда-нибудь им обязательно будет. И он моим *стал* — вот только не смогла я в итоге *такого своего* терпеть».

Сегодняшнего ухажера Римма ни разу не видела лично. Обычная история: он пристал к ней в Сети. На аватарке лица не было, только профиль, как на гравюре. Он не просил ее прислать фотки или видео, и она не стала тоже. Римма не считала себя физиогномистом — сколько раз ее обманывали лица!

Поэтому флиртовала в инете вслепую. И хоть сто пятьсот раз слышала поучения, что девушке нельзя и опасно ходить на свидания с незнакомцами, и сама обывателям подобные советы давала — когда у них с Пашей в рекламных целях сайт детективного агентства действовал, — все равно поступала по-своему. Свидание вслепую — это будоражило кровь. В конце концов, она ведь не на опушку леса идет. Начальный этап запланирован на людях. А у нее, как у частного детектива, будет много возможностей, чтобы по ходу дела прокачать контрагента. Понять: не маньяк ли он, часом.

В любой момент сможет от него ускользнуть. Римма верила в свою звезду, в свои возможности и способности.

В конце концов, ей от этого Новичка ничего не нужно: ни привязанности, ни признаний, ни любви, ни денег. Для близости у нее есть Паня, всегда готовый. Молодой, накачанный, красивый как бог. На десять годков ее моложе и неутомимый, как марафонец.

А с незнакомцем что ж! Он добивался свидания — она пошла ему навстречу. И в качестве компенсации потерянного времени хотя бы поест вкусно — за его счет. Этих штучек в духе гендерного равенства — давай разделим счет пополам — Римма никогда не понимала, и сейчас не потерпит.

Павел.

18 часов спустя

Сверхбыстрая езда не мешала мне размышлять. Подумалось, что на всякий случай не след мне появляться со своей машиной вблизи Римкиного дома. Мало ли! Вдруг она от кого-то вынуждена скрываться.

Теперь, когда вся столица, а особенно центр, утыканы камерами, в острых ситуациях лучше поменьше перед ними мелькать.

С Волгоградки я съехал на Третье кольцо, а оттуда подрулил к «Автозаводской». Парковки здесь тоже сделали платными, но восемьдесят рублей в час — цена для Москвы вполне божеская.

Я надвинул бейсболку поглубже, в метро за разовый билет заплатил наличными в автомате, а не картой. Почему-то хотелось как можно меньше оставлять цифровых следов.

Римка жила на «Павелецкой», почти у самого метро. По нынешним временам, считай, в центре. Правда, уютилась в однокомнатной квартирке в панельной двенадцатиэтажке хрущевского образца. Но умудрилась сделать в ней эффектный и стильный ремонт, который благодаря хитроумной системе зеркал визуально превращал тридцать четыре метра в добрые пятьдесят пять.

Отражаться в тех зеркалах мне, помнится, было приятно, когда мы с Римкой обнимались.

Я несколько раз, когда мы с ней жили, спрашивал помощницу, откуда взяла она столь центровую квартиру, но девушка всякий раз уходила от ответа. Римма вообще оказалась крайне скупа на рассказы о своей прошлой жизни. Я даже не ведал, откуда она родом, кто ее родители. Только иногда вдруг звучавшее в ее речи (поначалу, когда она только пришла в мое агентство) фрикативное «гэ» заставляло думать, что она откуда-то с юга: Краснодарский или Ставропольский край, а может, Ростов или северокавказские республики.

По пути от метро «Павелецкая» — буквально пять минут ходьбы — я отмечал в уме камеры: вот две на станционном павильоне; дальше скверик, где тусуются вонючие бомжи; потом недавно построенная двухэтажка, где располагались хинкальная, стейк-хаус и пара магазинов, а на них целых пять систем видеонаблюдения.

В маленьком зеленом дворике, прилагавшемся к Римкиной многоэтажке, за калитками, которые открывались по коду, на блатном месте я сразу увидел ее машинку: скоростной, накачанный «гольффик». Обошел его кругом. Полное впечатление, что в минувшие сутки на нем никто не ездил. Капот совершенно холодный.

У подъезда тоже камера. Если и впрямь девушку придется искать, надо будет получить к ней доступ. Я открыл домофон своей «таблеткой».

С незапамятных времен у меня остались ключи от Римкиной квартиры. Когда я предложил их вернуть (после того как мы бесповоротно расстались), она, помнится, беспечно махнула рукой: «Пусть побудут у тебя. Авось пригодятся, — потом подумала и доба-

вила: — Не в том смысле, что ты когда-нибудь вернешься. Я насчет тебя *не* передумаю, не надейся. Но вдруг я сама однажды ключи от дома потеряю».

Так запасная связка у меня и осталась. Лежала в офисе в столе.

Я поднялся на лифте. В нем по-прежнему играла мелодия из «Эммануэль» — как четыре года назад, когда мы, в пылу совместного расследования, однажды с Римкой сошлись. Сейчас песенка звучала по отношению ко мне издевкой.

Я позвонил в хорошо знакомую дверь. Нет отклика. Потом снова и снова. Полное молчание. Тогда я поправил, на всякий случай и для вящей уверенности, газовый пистолет в кобуре скрытого ношения и своим ключом отпер дверь.

Из коридора несколько раз позвал: «Римма, Римма!» — но тишина была мне ответом. Я заглянул на кухню. В совмещенную ванную/туалет. Наконец, в Римкину единственную спальню с громадным сексодромом посередине.

Слава богу: я не обнаружил свою помощницу, бездыханную или без сознания.

Но и подсказок, куда она могла деться, тоже оказалось негусто.

Квартира предстала предо мной убранной. Римка в целом была чистюлей. Для каждой вещички у нее имелось свое запрограммированное местечко. И горе было мне во время совместного проживания, когда я его нарушал!

Но сейчас всевозможные мелочи, разбросанные повсюду, демонстрировали натюрморт на тему: «Девушка спешит на свидание». Помнится, был старый фильм, довоенный, с таким названием.

На кровати, тщательно заправленной, валялся халатик — не висел аккуратно в шкафу-купе. Фен, не

выдернутый из розетки, был брошен на трюмо перед зеркалом. А на кухне на столе (да, на столе, прошу заметить, а не в посудомоечной машине, как полагалось, или, на худой конец, в раковине) стоял бокал, в котором застыли потеки красного вина, рядом — тарелка с недоеденными орешками.

Картина вырисовывалась ясная: девушка вчера пришла с работы, приняла ванну или душ, уложила причёсочку, выпила бокал-другой красного сухого в качестве аперитивчика, для настроения — и рванула в город, в мир обманчивых приключений.

Она явно не собиралась никого к себе приводить, иначе такая аккуратистка, как Римка, не стала бы бросать на видном месте фен, халатик, бокал — тем более спрятать их было делом одной минуты.

Значит, гражданка кинулась в вихрь удовольствий — и так из него и не вынырнула.

Тут я заметил оставленный на кухонном столе Римкин планшет.

Теперь, когда основная жизнь сограждан происходит в виртуальном пространстве, он мог дать мне важные наводки: куда делась моя любимая помощница. Тем более у меня имелись надежды взломать ее пароль и, как следствие, добраться до содержимого Римкиного сетевого мира.

Я захватил планшет с собой.

Если впоследствии от моей помощницы вдруг возникнут претензии по поводу вторжения в ее частную жизнь, у меня найдется железное алиби: «Через него я искал тебя, моя дорогая, потому что очень беспокоился».